

ГОРОД В ТЕКСТЕ И ГОРОД КАК ТЕКСТ

УДК 821.161.1

ИДИЛЛИЯ, ИСТОРИЯ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ОБРАЗЫ ГОРОДОВ В «ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКЕ В ГЕРМАНИЮ В 1835 ГОДУ» Н. И. ГРЕЧА

С. С. Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
Россия, 630108, Новосибирск, ул. Плеханова, 10;
Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630073, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20
Поступила в редакцию 03.06.2022 г.
Принята к публикации 15.11.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-1

В статье рассматриваются образы немецких городов Любека и Гамбурга, представленные в путевых письмах Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году». Установлена связь данных образов с традицией описания Германии как идиллического пространства в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX века. Любек и Гамбург в греческом тексте маркированы идиллическостью, но в разной степени. Локус Любека – это гомогенная «патриархальная» и ахронная идиллия, статичное пространство, представляющееся нарратору застывшим в Средневековье. В отличие от Любека, Гамбург изображен крупным современным динамичным городом, то есть модернизированной идиллией. Более того, его упорядоченность выходит за рамки идиллии и обусловлена рациональной организацией пространства, которое характеризуется гетерогенностью. Во-первых, выделены идиллические сублокусы, где основная роль принадлежит демиприродным образам сада, парка, гульбища. Во-вторых, охарактеризованы утилитарно-рациональные сублокусы биржи, пристани, канала. Также определены сублокусы, маркируемые как идиллическостью, так и рациональностью (например, детский приют, богадельня). Наконец, в качестве третьего пространственного типа идентифицированы маргинальные сублокусы заведений для моряков, связанные с мотивами неупорядоченности – пьянства, разврата и т. п.

Ключевые слова: образ города, Любек, Гамбург, Германия, травелог, идиллия, Н.И. Греч, русская литература

Введение

Огромная значимость Германии для России нашла отражение во множестве текстов русской словесности, породивших в дальнейшем литературоведческую рефлексию, направленную на осмысление феномена немецкости в русской литературе и, шире, культуре как семиотических системах. Одним из направлений анализа этого феномена выступили исследования, посвященные проблематике образов немцев и немецкого пространства в отечественной литературе. В качестве

примеров подобного анализа можно назвать работы зарубежных (Müntjes, 1971; Boden, 1982; Энгель, 2007) и отечественных (Оболенская, 2000; Lebedeva, Yanushkevich, 2000; Asadowski, Lavrov, 2006; Морозова, 2008; Ильченко, Аксенова, 2016; Жданов, 2019) авторов. В свою очередь, частный вариант репрезентации пространства Германии в русской литературе — образы немецких (и бывших немецкими) городов — также выступает объектом исследования (Ильченко, Пепеляева, 2015; Далкылыч, 2015; Жданов, 2017; Пауткин, 2017).

Несмотря на наличие этих и многих других работ по пространственности Германии в русской словесности, в данном исследовательском поле еще наблюдаются лакуны, во многом обусловленные объемом отечественного текстового материала, связанного с немецкостью. В частности, еще недостаточно изучен образ Германии в творчестве Н. И. Греча, автора не только эпистолярного романа «Путешествие в Германию», но и произведений в рамках путевой прозы. Одно из последних — травелог «Действительная поездка в Германию в 1835 году» (другой вариант названия «28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию Николая Греча») выступает материалом нашего исследования.

Следует отметить, что хотя эти путевые письма и анализируются, например, в вышеуказанной работе Н. М. Ильченко и М. В. Аксеновой, данное произведение рассматривается ими наряду с иными гречевскими текстуальными источниками. Кроме того, в статье речь идет об образе Германии в целом, представляя последний лишь в общих чертах. В этом смысле наша работа может рассматриваться в качестве дополнения и углубления темы «германской» пространственности в текстах Греча и сосредоточена преимущественно на образах двух немецких городов в «Действительной поездке...», а именно Любека и Гамбурга. За рамки данного исследования выведен образ Берлина.

При этом наш анализ требует ряда предварительных замечаний, в рамках которых образы немецких урбанистических локусов рассматриваются как мезоуровень репрезентации немецкой пространственности по отношению к макроуровню — образу Германии в целом.

Город является семиотически «богатым» объектом, выступающим значимым элементом пространственной структуры текста. В частности, согласно В. Г. Шукину, «образ города как целого тоже может послужить метафорой, например, в соответствии с древней традицией отождествления города и мира, микро- и макрокосма», актуализируясь в тексте в качестве модели «“мандального”, идеально упорядоченного, гармоничного мира», противопоставленного «хаосу, недостатку цивилизованности по ту сторону городских стен» (Шукин, 2014, с. 16).

Отметив эти значимые для локуса города характеристики, выраженные через оппозиции «внутренний — внешний» и «упорядоченный — хаотический», перейдем на макроуровень организации «германского» пространства в тексте, который также может быть обозначен термином «мирообраз Германии» (Lebedeva, Yanushkevich, 2000). В последнем весьма значительное место занимает идиллический элемент (Жданов, 2019, с. 44). С одной стороны, он инспирирован сентимента-

листским нарративом, в рамках которого стремящийся к созерцательному наслаждению повествователь склонен выискивать идиллию облагороженной природы где только возможно. С другой — сама пространственная природа раздробленной на множество земель (до второй половины позапрошлого века) Германии провоцирует замыкание взгляда путешественника-нарратора на закрытых упорядоченных и уютных локусах — всевозможных немецких городках, деревеньках и местечках: «...образ идиллической (или же туманно-романтической) Германии просуществует в русской культуре примерно до середины XIX, до того момента, как “мозаика” отдельных малозначимых в европейской политике немецких земель начнет складываться в образ единой милитаристской империи» (Жданов, 2019, с. 49). Соответственно, множество текстов русской словесности указанного периода транслируют идиллическую упорядоченность в качестве основной характеристики (или мотива с литературоведческой точки зрения) германского пространства.

Таким образом, возникает целый ряд вложенных друг друга подобных пространств, где немецкий город изоморфен Германии, выступая своего рода синекдохой германского мира. В свою очередь, урбанистические сублокусы (улицы, площади, дома, городского сада и т.п.) на пространственном микроуровне также транслируют сходное значение упорядоченности-идилличности. Исходя из этой предпосылки, рассмотрим конкретные локальные варианты актуализации мотива упорядоченности в тексте «Действительной поездки...».

Любек как ахронная идиллия

Любек выступает в греческих путевых письмах как центр упорядоченности, окруженный неупорядоченным, опасным или неудобным пространством. Так, «странствие» на пароходе по реке Трава из Травемюнде в Любек, хотя длится два часа, является, по мнению автора, «скучнее, затруднительнее и даже опаснее четырехсуточного плавания» по морю из Петербурга до границ Германии, поскольку «в Траве много отмелей и вбитых в реку свай, которых должно было рачительно избегать»¹ (с. 238). Но и сухопутный путь из Любека в Гамбург маркирован мотивом неудобства:

Выехав из Любека, мы катились версты две по хорошему шоссе; но вдруг белый с красными полосками шлагбаум возвестил нам о вступлении нашем в Датские владения... Пошли толчки, пинки. Дорога в некоторых местах не вымощена, а выложена по середине крупным булыжником, который очень часто расступается под колесами и накренивает экипаж. Едучи же краем, того и смотри, что опрокинешься в канаву (с. 248).

При этом Любек — эксцентрический и лиминальный локус не только в том смысле, что находится на условной границе между морем и

¹ Здесь и далее цитаты приведены по изданию (Греч, 1838) с указанием номера страницы в круглых скобках. Орфография и пунктуация цитат приближены к современным.

землей, но и в силу своего геополитического значения. На момент написания травелога он был вольным германским городом, тогда как Голштиния принадлежала датчанам. Отсюда мотив противостояния датского и немецкого (прусского) элементов, актуализированный в пространстве дороги: «Самые дурные дороги в северной Германии пролегают по датским владениям. ...из Берлина едешь в Гамбург, чрез Пруссию и мекленбургские владения, по прекраснейшему шоссе, но с Бойценбурга начинается головоломная езда чрез Лауэнбургскую область, принадлежащую Дании, и продолжается до начала Гамбургской земли... Жители пограничных Датских областей боятся лишиться дохода за провоз товаров чрез их местечки, когда Ганзейские города будут иметь между собою и Пруссией легкое и удобное сообщение» (с. 249). В связи с этим раздробленность и суженность немецкого пространства противопоставляется русскому простору: «Странно нашему брату... ездить по этим чрезполосным владениям! Привыкли к нашему русскому раздолью, никак не можешь вместить в голову мысль, что... на этом конце аллеи царствует Фридрих VI, а на другой Господин бюргермейстер Абендрот» (с. 292). Заметим также, что, несмотря на формальный датский статус, перед нами за пределами локуса ужасной дороги предстает все та же идиллическая изобильная и визуально привлекательная рустикальная Германия в ее голштинском варианте: «...любовались мы сельскими усадьбами по дороге. Опрятные домики, с светлыми окнами, окруженные садами, в которых цветут пышные розы, казались нам не крестьянскими избами, а загородными домами зажиточных граждан» (с. 248). Кроме того, подчеркнем, что эксцентричный локус Любека в греческом тексте лишен эсхатологического элемента в отличие, например, от локуса Петербурга в русской литературе. Как представляется, это связано с закрытостью и ахронностью любекской идиллии. Петербургский текст в целом неидилличен, имперская столица — место, открытое как на Восток, воплощенный просторами России, так и на Запад — «окно в Европу». В этом смысле закрытому, «анклавному» Любеку легче сопротивляться влиянию внешнего хаотического, энтропийного пространства.

В описании самого Любека идиллический элемент оказывается непосредственно связанным с историческим. Здесь не просто «городская архитектура хранит в себе живой образ старины» (Щукин, 2014, с. 15), но весь город представляет собой «хрономобиль», переносящий путешественника-наблюдателя в немецкое Средневековье с его готической застройкой: «Улицы узкие. Дома высокие с узорчатыми крышами. Все что-то старинное, дикое, готическое» (с. 238). Своей ахронностью Любек контрастирует с современностью XIX столетия, оставшейся за границами локуса. В связи с резкостью этого перехода в тексте актуализируются три характерных мотива, маркирующих ощущение нереальности / инореальности созерцаемого. Во-первых, это мотив города-картины. Любек представляется русскому писателю как «картина патриархальной Германии во всей своей прелести» (с. 239). Горожане же кажутся сошедшими с полотен мастеров Северного Возрождения: «...здесь, в Любеке, между самым простым народом найдете лица, со-

вершенно схожие с теми, которые за несколько сот лет писаны Гольбейном и Кранахом» (с. 240). Сходные ощущения возникают у Греча при выходе из любекской соборной церкви, где он наблюдал картины², приписываемые Гансу Гемлингу³: «На лугу играли миловидные дети; торговцы и торговки проходили по улице; на площадке учился взвод солдат. Мне чудилось... что изображения, виденные мною в церкви, сняты не за триста или четыреста лет пред сим, а третьего дня, вчера, сегодня, с этих самых лиц, которые теперь мне встречаются» (с. 246).

Подобная ориентированность на восприятие реальности Германии как идиллического зрелища, то есть преломленной через эстетику изящного визуальности, часто встречается в сентименталистском нарративе⁴ (например, в карамзинских «Письмах русского путешественника»). В этом плане следует согласиться с мнением В. В. Мароши об «идеальном ландшафте» в русском травелоге XIX века как «прежде всего "приятном месте" ("locus amoenus")», вызывающем в путешественнике «специфическую эмоциональную и эстетическую рефлексии красоты» и обеспечивающем «комфортность его локального передвижения и обустройства» (Мароши, 2016, с. 38). Попад в такой локус, Греч предается визуальной практике фланера, «бескорыстному созерцанию», особому «интересу ко всему окружающему, который довлеет себе» (Анциферов, 2014, с. 333).

Во-вторых, перемещение в ахронный Любек актуализирует в тексте мотив «волшебного путешествия»⁵: «Я был перенесен, как бы действием волшебного жезла, из нашего юного, великолепного, светлого Петербурга⁶ в средину старинной Ганзы, живой доныне своими нравами,

² В синкретично-ахронном пространстве Любека перемешаны не только времена, но и живое и неживое. Горожане становятся элементами городской панорамы, а в экфрасисе картин подчеркивается их чрезвычайное жизнеподобие: «Я долго... разглядывал их подробности, разнообразные, мелкие, богатые. Каждая травка отделана, как на картинках в Естественной Истории» (с. 246).

³ Так в тексте Н. И. Греча. Вероятно, имеется в виду алтарный триптих Ганса Мемлинга из Любекского собора.

⁴ Как подчеркивает В. В. Мароши, в русских травелогах «сентиментально-идиллический ландшафт» «первой трети XIX в.» сохраняет «актуальность на протяжении всего столетия» (Мароши, 2016, с. 37).

⁵ К этому мотиву Греч прибегает не раз в «германских» фрагментах своих травелогов. Так, пароход, позволяющий за четыре дня добраться из Петербурга в Гамбург, уподоблен «коврику-самолету» (с. 249). Ср. также с описанием Рейна из гречевского травелога 1817 года: «Вдруг, будто действием волшебства, вся страна получила другой вид; из средины гор вышли мы на открытое место...» (с. 157).

⁶ Следует отметить, что, взгляды в пространство «чужого», сравнивая Любек с русскими городами, Греч, как многие отечественные авторы, пытается найти что-то «свое», родное в любекском «чужом». Так, описывая в соборной церкви бронзовую купель, покрытую «множеством обронных изображений», автор замечает в них «некоторое сходство с Новгородскими вратами» (с. 245). Далее Греч развивает тему «новгородского следа» в любекской истории («...Любек вошел в мирные торговые сношения с Новым-городом. Доныне есть в Любеке Новгородская Контора...»), в результате чего город, как «хрономобиль»,

обычаями и поверьями» (с. 238). В этом же фрагменте фиксируется противопоставление Любека и Петербурга на основании антропной, по сути, оппозиции «юность — старость».

В то же время эта старость Любека не означает дряхлость и моральность. В циклическом мирке идиллии с его непрерывной связью поколений историческое прошлое присутствует в настоящем, остается живым: «Предо мною возвышался ряд домов высоких, узких, островерхих, с разнообразными вычурными украшениями и надписями о построении и возобновлении их в XV и XVI веке, но чистых, миловидных, уютных» (с. 239). Темпоральная синкретичность выражена также в соседстве на улице разных поколений (детей, взрослых, стариков) и в описании «солдат ганзеатического легиона»: «...не те старинные карикатуры, которыми славились имперские города во время оно. Выправка их... не наша молодецкая, но они бодры, поворотливы...» (с. 242).

В-третьих, ахронный Любек маркируется мотивом театральности: «Точно будто я вошел в Михайловский Театр, и поднялась завеса в немецком представлении!» (с. 238). Городская улица в этом смысле уподобляется в пространном описании театральной сцене с множеством горожан-статистов:

Вот растворяется широкая дверь в нижнем жилье одного дома; выходит чистенькая, в белом чепчике, старушка, садится на скамейке подле ворот, под густой липой, вынимает из корзиночки чулок, и начинает вязать⁷, поглядывая на прохожих, а их было еще немного: школьник с книгами под мышкою, служанка с плетеною на руке корзинкою, водонос с полными ведрами. Но вот является знакомка: обе почтенные гражданки раскланиваются; старушка приглашает новоприбывшую занять место подле нее; они садятся друг подле друга, и быстрые движения губ их, едва поспевающих за движением чулочных спичек, доказывают, что время у них не проходит по-пустому. Улица оживляется более и более: отпираются дома, лавки; изо всех ворот и дверей выходят служанки, и начинают чистить и обмывать мостовую (с. 239 — 240).

переносит писателя на городские улицы не только средневековых немцев, но и новгородских купцов: «Я шел домой медленно, поглядывая по обе стороны улицы на готические дома, в которых жилали наши новгородские бородачи посреди древних любекских граждан, красовавшихся в черных мантиях, с белыми брыжами...» (с. 247). Также в качестве акта «освоения» нарратором локуса города упоминается факт, что Любек основали славяне и поэтому он «заслуживает внимания северного, Русского путешественника и в историческом отношении» (с. 246).

⁷ Вязание есть атрибут типажной «доброй немки» в русской литературе. В тексте «Действительной поездки...» Греч неоднократно обращается к мотиву вязания, объединяющему таким образом пространства Любека и Гамбурга как немецкие: в гамбургском вдовьем доме «...старушки... вяжут чулки...» (с. 275); в загородном театре под Гамбургом «зрительницы среднего состояния» (с. 295) одновременно вяжут чулок, глядят на сцену и прихлебывают чай или кофе, стоящие перед ними на столиках. Заметим, что здесь авторский смех над совмещающими работу и отдых бюргершами весьма благодушен, поскольку речь идет о «патриархальной» простоте нравов, свойственной идиллии.

Перед нами разворачивается, по сути, городская идиллия, где любекцы уже не люди, а скорее наделенные типажными чертами персонажи, не индивиды, а часть синкретичного пространства. Кроме того, вид чистящих мостовую «опрятненьких, беленьких» «служаночек» вызывает у Греча сожаление, «что не берут отсюда на наши театры статисток для немых ролей» (с. 240).

Здесь в концентрированной форме предстает также мотив чистоты, связанный с мотивом привлекательности идиллического локуса. В другом любекском эпизоде упомянуты улицы, «приятные на взгляд опрятностью» (с. 242), то есть субъекты сходны в этом плане с объектами, горожане — с городским пространством. Сравните также с мотивом почтенности, общим для образов старушек и локусов: «почтенные гражданки» (с. 240), улицы и площади города, «почтенные своею неподдельною стариною» (с. 240).

Итак, любекский текст Греча воспроизводит устойчивый ряд мотивов, связанных с идиллическим локусом: чистота, уют, миловидность.

К ним же относится и мотив упорядоченности, временной (заключенность жизни, ее неизменность) и пространственной (все находится на надлежащих местах). Так, описывая устройство любекского дома, автор упоминает «ургийный» локус *Hausflur*, «род сарая, или больших сеней», где «хозяин обыкновенно занимается своим ремеслом, производятся многие домашние работы, лежат громоздкая вещи и т. п. Опрятность и порядок там удивительные» (с. 240). Демиприродность идиллии дома выражается в наличии при нем «небольшого сада» (с. 240).

К идиллическому ряду может быть отнесен и мотив миниатюрности немецкого пространства, выраженный через употребление прилагательного «небольшой», а также существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «садик», «корзиночка», «служаночки».

Наконец, идиллия характеризуется бесконфликтностью, отсутствием опасности. В Любеке «все двери стоят настежь», потому что «воровство» здесь «вещь почти вовсе неслыханная и... полиция совершенно ограждает мирных жителей» (с. 241–242). Кроме того, сглажены в пространстве города и религиозные конфликты, что актуализировано в описании церкви Св. Марии: «Эта церковь... построена во время владычества Католического Исповедания, но в ней нет следов того пуританского фанатизма, с которым католические храмы превращены в протестантские в Женеве и Лозанне. Католические образа, изваяния, надписи сохранились в целости и тщательно поддерживаются. Изменена только форма престола, и вынесены исповедные... Таким образом, в здешних церквях уцелели многие достопамятности средних веков, истребленные в других странах протестантских» (с. 243).

Небольшие изменения средневекового порядка касаются также локуса погреба городского совета, «необходимой принадлежности всякой Германской ратуши»: здесь «хранилось, в течение столетий, заповедное вино и отпускалось только при больших случаях и для больных. В нынешние времена это просто погреб, как и всякой другой» (с. 242–243). В церкви Св. Марии модернизированы «астрономические часы, сооруженные в 1405 году неизвестным художником, исправленные потом по

системе Коперника и в 1809 снабженные столетним календарем» (с. 243–244). Все остальное неизменно, что выражает образ движущихся фигур этих часов: каждый день в полдень «курфирсты бывшей Римской Империи» продолжают кланяться императору (с. 244). Не прекращается танец мертвых на церковной картине, любопытной «особенно потому, что дает точное понятие о костюмах средних веков» (с. 244). Погружая читателя в атмосферу «седой старины» Любека, Греч также пересказывает легенду, связанную с гербом города, участниками которой выступают волшебный олень с драгоценным ожерельем, Карл Великий и герцог Генрих Лев.

Гамбург как осовремененная идиллия

Если относительно небольшой старинный Любек изображен в «Действительной поездке...» ахронной идиллией, то в описании современного делового Гамбурга немецкая пространственная идилличность неизбежно претерпевает изменения. Эта темпоральная оппозиционность Любека и Гамбурга фиксируется самим автором: «Первый взгляд на Любек возбуждает в путешественнике воспоминания о почтенной старине, а картина Гамбурга, деятельного, шумного, обновленного, радует настоящим» (с. 251).

Идиллией в прямом смысле можно назвать различные демиприродные гамбургские пространства, в частности городские предместья, то есть периферийные локусы. Их, как и любекское пространство, характеризуют мотивы чистоты, света, покоя, семейности, привлекательности и миниатюрности: «...пошли загородные домики, составляющие предместье Гамбурга... Из-за чистых окон, уставленных цветочными горшками, светятся огни. Перед домами тянутся рядом густые липы. Какое-то выражение тишины, спокойствия и довольства выглядывало из каждого окна» (с. 249); «Предместия Гамбурга состоят из непрерывного ряда невысоких домов... необыкновенно опрятных и уютных. Из-за светлых стекол в окне видны товары или произведения жилья... У другого окна сидит хозяйка в чистом платье, в беленьком чепчике; вокруг нее играют миловидные, здоровые дети; на окне пышные розы; в клетке канарейки... Улицы хорошо вымощены, ежедневно выметены» (с. 267). При этом сам автор на эксплицитном уровне фиксирует смешение в своем сознании образов реального, наблюдаемого пространства и литературного пространства идиллии: «Прогуливаясь по предместью Святого Георгия, я воображал себя перенесенным в город, построенный на основании Геснеровых идиллий» (с. 267). Помимо вышеозначенного предместья, в «Действительной поездке...» названо еще несколько знаковых идиллических локусов («гульбищ и окрестностей Гамбурга» (с. 284)): местность по внешнему Альстеру и около принадлежащего на тот момент Дании города Альтоны, Ренвилев сад, Флоттбек, Ниенштедтен, сад Баура в Докенгудене, деревни Эмсбюттель, Эппендорф, Бланкенезе. Причем деревни, за исключением последней, изображены как не рустикальный, а субурбальный ландшафт: «Не говорю, сельскими видами: здесь, как и в других ближайших окрестно-

стях Гамбурга, преимуществуют загородные дома гамбургских патрициев, банкиров, негоциантов; везде можно найти чистые и обильные земными благами гостиницы» (с. 284–285). Сюда «ежедневно» приезжают «изо всех ворот города» «большие фуры, наполненные хорошо одетыми людьми»; «здесь можно нанять, за небольшую плату, очень хорошенский летний домик» (с. 285). Все эти локусы наделены комплиментарными характеристиками: «гульбища и окрестности» «преlestны и разнообразны»; «красивые сельские виды» (с. 262); «прекрасные виды, представляющиеся со всех сторон» (с. 284); «вид прелестнейший» (с. 292); «прекрасные липовые аллеи, окружающие Гамбург» (с. 287); «отличнейшие гамбургские загородные дома и сады» (с. 289); «дома и парки», «один другого красивее и великолепнее» (с. 292); «прекрасный сад», «большой, великолепный дом с бельведером» (с. 293).

Вообще, локусы аллей, садов, парков доминируют в описании демиприродного ландшафта Гамбурга. В них сосредоточены мотивы пользы, уюта, привлекательности. Так, липовые аллеи вокруг города «дают отрадную тень, очищают воздух, прельщают глаза» (с. 288). Панорамное описание цепи садов и парков вдоль Эльбы можно в принципе рассматривать как образчик сентименталистского мирообраза Германии: «...аллеи, рощи, поляны спускаются по крутому берегу, до воды. Сверху вид прелестнейший. Величавая Эльба катит струи свои между зелеными, цветущими берегами; сотни разных судов летят под распущенными парусами. Куксгавенский пароход, как истый Гамбургский гражданин, куря трубку, смеется их усилиям и оставляет их за собою» (с. 292). Отметим в этом фрагменте характерный для пронизанной антропоностью идиллии синкретизм живой и неживой природы, когда пароход уподобляется горожанину.

Особый вариант идиллического демиприродного локуса представлен кладбищем, которое автор сначала принимает за «прекрасный сад» (с. 282). Оно упорядочено, «разгорожено на отделения, по приходам города» (с. 286), благоустроено: «Дорожки усыпаны песком. На многих памятниках висят свежие венки» (с. 287); есть специальные дома «для помещения в них мертвых тел до погребения» «для предупреждения ужасных случаев погребения мнимоумерших» (с. 286–287). В итоге смертность кладбища оказывается существенно ослаблена. В соответствии с темпоральным синкретизмом идиллии это пространство живой памяти, наполненное при этом множеством витально-вегетативных образов: «Кладбища усажены тенистыми аллеями, густыми кустами, покрыты миллионами цветов» (с. 287). В целом локус маркирован мотивами сакральности и привлекательности: «красота и святость места» (Там же).

Мотив бессмертия, инспирированного как христианскими представлениями, так и идеей бессмертия великого человека⁸ в людской памяти, актуализированы автором в описании могилы Клопштока «под

⁸ Мотивом бессмертия маркирован и гамбургский дом Клопштоков, на котором горожане установили мраморную доску с надписью: «Die Unsterblichkeit ist ein grosser Gedanke... Бессмертие есть великая мысль» (с. 291).

высокою густою липою» (Там же) на «сельском кладбище» в датском тогда Оттенсене под Альтоной. Так, Греч описывает надгробие жены немецкого поэта, приводя надпись, сочиненную последним: «...*Saat, von Gott gesäet, am Tage der Garben zu reifen*, т. е.: *Семя, посеянное Богом, да созреет в день жатвы*» (с. 291). Здесь мы имеем дело с вегетативной метафорой, связанной с мотивом воскрешения. Кроме того, автор указывает, что на могиле Клопштока и его супруги висят «свежие цветочные венки» и «жители Гамбурга и Альтоны свято чтут память великого соотечественника» (с. 291). С образом липы (как типичного для немецкого ландшафта дерева и в то же время дерева — спутника человека) также связана «прекрасная деревня Гарвстегуде» под Гамбургом, где жил и умер немецкий поэт Гагедорн. Его «любимое место отдохновения», согласно Гречу, «было под густою липою», которая после смерти Гагедорна «была раздроблена грозой» (с. 302). При этом автор остраивает и несколько снижает образы липы и немецкого поэта с помощью «презавного анекдота» о близоруком Гагедорне, долгое время считавшем липу дубом и воспевшем дерево «под именем дуба в одной своей оде»; «Гагедорн очень горевал об этом промахе и во втором издании книги своей напечатал *Linde*, вместо *Eiche*» (с. 302).

Наряду с образом липы образ куста роз⁹ служит контаминации локусов дома и сада, а также города и сада: «пышные розы» цветут в садах крестьян (с. 248) и на окнах домов в гамбургском пригороде (с. 267). У многих прохожих «краснеет в петлице» «роза или гвоздика» (с. 268). Также «городской вал» Гамбурга покрыт «зеленью, деревьями и миллионами роз» (с. 264). В результате актуализируется образ зеленого города-сада, тесно связанного с идиллией: «Я приехал ныне в Германию в самое цветущее время. Все сады, бульвары, окна, палисадники красовались пышными цветами» (с. 268).

Центром сосредоточения идиллического элемента внутри города является «прекрасное гульбище *Jungfernstieg*», характеризующееся такими мотивами, как привлекательность¹⁰ (все смотрится «мило и при-

⁹ Образ розы также служит контаминации пространств Гамбурга и Петербурга: «Лучшие розы у нас, в Петербурге, получаютс^я оттуда (из Гамбурга. — С. Ж.); но у нас они остаются кустиками, а там вырастают стройными деревьями» (с. 268). В то же время этот образ выполняет функции разграничения пространств: Гамбург в большей степени город-сад, чем Петербург.

¹⁰ Греч называет город «любезный мой Гамбург» (с. 371) и признается: «...и самый город, и жители его, и весь тамошний быт произвели во мне самое приятное впечатление» (с. 251—252). Такое предпочтение сам автор объясняет тем, что Гамбург является в наибольшей степени «своим» из всех описанных в травелогe немецких пространств, поскольку он там встречает старых и новых знакомых — «круг людей, почтенных и любезных», отчего город «понравился» автору «более других мест Германии» (с. 253). Сравните с ремаркой Греча о Франкфурте, также деловом, как и Гамбург, но «чужом», нелюбимом из-за отсутствия близких по духу людей: «Что же... не понравилось мне во Франкфурте, когда я отдаю справедливость его красотам, климату, памятникам? Дома не составляюсь города, рощи не общества, столпы и статуи не люди!» (с. 133); «Никто не заговорит громко; нет... веселости... дружелюбия, которые составляют прелесть наших обществ» (с. 135).

влекательно» (с. 251); «картина несравненная» (с. 264); «благообразные» (с. 262) дома; «великолепные» (с. 251) здания; превращенный в «прекраснейшее гульбище» (с. 262) городской вал; «прекрасный» (с. 264) мост), простор («широкий бульвар», «большие» дома (с. 262), «большой» (с. 251) водоем), чистота («чистый» (с. 262) водоем), вегетативность («бульвар, усаженный густыми липами» (с. 262)), наполненность людьми / витальность («бульвар, кипящий народом» (с. 251); «Бульвар с утра до ночи покрыт народом. Одни прогуливаются, другие спешат по делам» (с. 264)).

Локус полной людьми улицы типичен для гречевского изображения Гамбурга в целом. С одной стороны, наполненность людьми можно трактовать как маркер идиллии, с другой — это знак активного, деятельного пространства, отличного от ахронного Любека. Если образа последнего статичен, то Гамбург характеризует мотив беспрестанного движения / кипения: «движение многолюдного, шумного» города (с. 264); «движение богатого торгового немецкого города, кипящего жизнью и деятельностью... Народ на улицах волнуется беспрерывно» (с. 253–254). Особенно ярко этот мотив проявляется в описании гамбургской биржи, центра деловой активности: «Тысячи людей... большая часть с сигарами¹¹ во рту... толпились на бирже и в окрестных улицах» (с. 255).

К маркерам идиллии может быть отнесен и мотив гамбургского изобилия. Автор особо упоминает «сытный Гамбургский стол, известный во всей Германии» (с. 250); «Более всего поразительно и приятно для приезжего в Гамбург — общее довольство. ...на лице каждого Гамбургца написано: *я сыт*» (с. 266). При этом изобилие принимает порой степень чрезмерности, подается как чревоугодие, впрочем, не сильно порицаемое автором: «Врачи... живут преимущественно при помощи Гамбургского обжорства. Тот не есть истинный сын древней Гаммонии, кто раза два в неделю не испортит себе желудка» (с. 289). Общее довольство города также выражается, по Гречу, в отсутствии «черни» и нищих, то есть маргиналов (с. 266), что выгодно отличает Гамбург от Парижа или Лондона. Кроме того, дешевизна товаров в Гамбурге сочетается с высокой оплатой труда мастеровых: «В Гамбурге дешевы все вещи, все потребности жизни: дорога только работа рук человеческих. <...> тамошние мастеровые живут припеваючи» (с. 267).

Вообще, «город как целое может выступать в словесно-художественном произведении как парабола некоего комплекса свойств — например, национальной... добродетели...» (Шукин, 2014, с. 11–12). В этом смысле Гамбург воплощает немецкость в ее бюргерском вариан-

¹¹ Образ сигары наряду с образом розы характеризует пространство Гамбурга. Если второй связан с идиллией, то первый маркирует город как прозаический бюргерский деловой локус. В «Действительной поездке...» мотив табакокурения акцентирован (вспомним сравнение дымящего парохода с курящим гамбуржцем) и вплетен в пейзажное описание: «Отличительная черта Гамбурга есть та, что здесь... девять десятых взрослых мужчин курят сигарки... Многие не оставляют их и на улице. От этого беспрестанно носится на бульваре легкое облако табачного дыма» (с. 264).

те¹², связанном с любовью к порядку, умеренностью, трудолюбием, вытекающими из протестантского этоса. Как подчеркивает Греч, местный «простой народ деятелен, весел и вежлив» (с. 266). Немецкость находит выражение в ландшафте *Jungfernstieg*, описание которого автор остраивает, упоминая, что новая часть гульбища «идет не прямо, но в последней трети, по длине своей, сворачивает чувствительно влево. Эта кризисна есть свидетельство Немецкой прямоты» (с. 263). Дело в том, что при строительстве нового бульвара планировался снос старых зданий, но один из гамбургцев не хотел продавать дом в надежде, что власти выкупят его по цене в десять раз большей. В итоге строение осталось стоять на прежнем месте «как памятник уважения к правам частным» (с. 263), а прямизной бульвара пришлось пожертвовать.

Немецкой упорядоченностью маркировано и политическое устройство Гамбурга, которое может быть истолковано в рамках идилического, бесконфликтного миропорядка:

...дела общественные идут в Гамбурге тихо, благочинно, к общему удовольствию. <...> Гамбург благоденствует под сим правлением, существующим несколько сот лет, составившимся на деле, а не на бумаге, и благоденствует особенно потому, что обитатели его суть немцы, народ рассудительный, кроткий, довольный малым, совестный в исполнении своих обязанностей, безмолвно повинующийся законам (с. 269–270).

Мирный характер гамбургской жизни Греч иллюстрирует примером из недавних для него политических событий — подъема в Европе протестных настроений в связи с французской революцией 1830 года. Когда жители предместья Св. Георгия потребовали от сената уравнивать их в правах «с обывателями старого города», городская власть отказала и вывела на улицы войска, которые сыграли, однако, лишь предупредительную роль, после чего «прошел год в тишине и повиновении» и «сенат сам предложил предместию прислать депутатов с представлениями о желаниях его обывателей, выслушал их и согласился на покорные просьбы» (с. 270). Таким образом, пространству Гамбурга (и, шире, Германии) в трактовке Греча свойственна социальная гармония между верхами и низами, благодаря «изящной гражданской добродетели», «чувству исполнения своих обязанностей» (*Pflichtgefühl*), что подразумевает следование установленному порядку, соблюдение закона: «Нигде... нельзя найти таких исправных, трудолюбивых и совестных долж-

¹² В пространстве Гамбурга автор подтверждает стереотип немца-филистера, но отрицает при этом стереотип немца-ученого, занимающегося умозрительными конструкциями и связанного с пространством «Германии туманной»: «Вообще осуждают Немцев за их педантство, за то, что они предпочитают ученость жизни, а книги натуре, но этого нельзя сказать о Гамбургцах. Если есть здесь литература, то одна практическая; для умозрительных же и ученых разысканий приморский воздух здешний слишком редок: это как бы вершина горы, до которой не поднимается мгла ученых туч и туманов» (с. 301–302). Соответственно, возникает своего рода скрытый оксюморон: равнинный Гамбург становится «вершиной горы», хотя его деловой, профанный статус должен, по сути, противоречить сакральности «горного» образа.

ностных людей и вообще граждан, как в Германии. Взятки у них вещь неслыханная. <...> Я слышал в Гамбурге единогласную хвалу бескорыстию, честности и беспристрастию тамошних судей и чиновников. То же можно сказать и о других землях германских...» (с. 271).

Следует заметить, что, если в образе ахронного Любека мотив упорядоченности дан в статике, то в рамках гамбургского пространства он представлен в динамике. Локус активно преобразуется и восстанавливается после вторжения начала неупорядоченности. Так, были заново посажены липовые аллеи, вырубленные маршалом Даву «во время осады города» (с. 287). Также восстановлены золотые и серебряные запасы Гамбургского банка, разграбленные Даву: «Французское Правительство уплатило большую часть. Остальная дополнена впоследствии благоразумным управлением» (с. 254). Эймбекский дом, построенный «в 1325 году для продажи в нем знаменитого тогда Эймбекского пива», передан связанным с деловой жизнью учреждениями: «разные конторы» («страховая, таможенная и лотерейная»), «аукционная камера для публичной продажи недвижимых имуществ и кораблей, коммерческий суд и комиссариат» (с. 254). Планируется сооружение нового здания биржи, которое, изначально размещенное в средневековой постройке, стало «тесно, неудобно, неприятно» (с. 254), то есть перестало отвечать рациональному порядку современного торгового города.

В отличие от описания Любека, в репрезентации Гамбурга средневековые элементы изображены гораздо слабее — как количественно, так и качественно. В обобщенном виде упомянуты некие готического вида улицы, «кривые и тесные» с «высокими, узкими» домами (с. 253), а также «древняя ратуша, украшенная старинными статуями Императоров Римских» (с. 254).

Чаще представлена, как в вышеприведенных фрагментах с образом маршала Даву, относительно недавняя история Гамбурга, связанная с борьбой против Наполеона. Так, при описании кладбища названо «особое отделение», где «погребены воины Ганзеатического легиона, павшие в войне за свободу Германии» (с. 287). В шутовском тоне описана история погребения¹³ гамбургского городского совета с хранящимися там «древними бочками... с рейнским и мозельским вином 1630 года»: «Французы домогались прибрать к рукам и устам это святилище (Heiligthum, как называют его здесь), но Гамбургцы уступили банк, а вина не выдали» (с. 254). Повествование травестируется за счет смешения высокого образа святилища и прозаического образа винного подвала, который, однако, оказывается значимее для гамбургцев по сравнению с сугубо утилитарным пространством банка. В этом фрагменте можно, однако, увидеть и отсылку к мотиву гамбургского глоттонического изобилия, которое ценится больше золота и серебра. Неслучайно заканчивается история авторской ремаркой «Народ со вкусом!» (с. 254). Кроме того, профанизация христианской риторики в описании локуса происходит за счет введения языческого элемента: упоминается стоящая у входа в мнимую святыню «грубая статуя Бахуса» (с. 254).

¹³ Сходный любекский локус изображен нейтрально.

Нередко мотивы упорядочивания и удобства гамбургского пространства выходят за рамки «патриархальной» идиллии, наподобие любекской, и тесно связаны с рациональностью XIX века. Это проявляется и в подробном описании устройства особой «биржевой палаты», построенной в дополнение к старой бирже, чтобы смягчить неудобство малых размеров последней. В новом же локусе «купцы находят, за небольшую в год плату, все удобства для отправления дел своих. Главное удобство в том, что они в ней в ненастное и холодное время охранены от действия враждебных стихий» (с. 255). В образах биржи и биржевой палаты акцентирован мотив коммуникации, обмена актуальной деловой информацией.

Рациональным удобством и точностью маркированы «почтовые учреждения» Гамбурга: «Из Гамбурга ходят в Берлин... покойные дилижансы, совершая этот путь в 36 часов. Точность, с какою ходят эти дилижансы, достойна удивления и подражания» (с. 303).

Рационально организованы и различные общественные учреждения города (пожарная служба, учреждения в пользу бедных, больницы, богадельни, детские приюты и даже нечто вроде детского сада), изображению которых Греч посвящает значительную часть «гамбургского» фрагмента текста. Они призваны внести порядок в мир неупорядоченного, выступающего в форме пожаров, бедности, пороков, преступлений и т.п. При изображении этих учреждений автор совмещает два мирообраза: нейтрально-фактографический, связанный с описанием рационального устройства заведений, и, по сути, сентименталистский, призванный подчеркнуть идиллический характер общественного устройства Гамбурга. Первый, например, выражен в мотивах регламентации и классификации, когда каждый «проблемный» гражданин становится объектом учета и дальнейшего распределения:

Весь город разделен... на пять частей, и каждая на двенадцать отделов. Попечители обязаны узнавать бедных... в порученном им отделе: каково состояние их здоровья, могут ли они работать, отчего впали в нищету и каким образом можно было бы помочь им. Сверх того осведомляются они о нравственности и поведении убогого, о числе его детей и пр. Комитет, рассмотрев донесение попечителей, определяет средства в пособие бедному: одному дает квартиру, другого отправляет в цех, для доставления ему работы; больного препровождают в госпиталь, увечного в богадельню. Ленивцев и негодяев отсылают в рабочий дом (с. 272–273).

В идиллических же тонах описан быт домов для вдов, устроенных благотворителем Гессе «в предместьи Св. Георгия»: «...построены в два ряда двенадцать уютных домиков, состоящих из чистой комнаты, спальни, каморки, кухни, погреба и чулана. При каждом дворик и прачечная, садик и лужок. Сверх того, есть общий сад с аллеями, беседками, дерновыми скамьями. <...> В каждом из маленьких домиков живет одна хорошего поведения вдова, на всей свободе, как в своей собственности, и получает все нужное — не только на безбедное пропитание, но и на некоторые прихоти. Почтенные, опрятно одетые старушки сходятся в саду, вяжут чулки, толкуют о былых временах, о несбывшихся

надеждах, и, благословляя друга человечества, за чашкою кофе ждут тихой смерти» (с. 274–275). Идиллично описание и ежегодного праздника, которое горожане устраивают для сирот «на обширном лугу»: «...сироты садятся за сытный лакомый обед и потом предаются играм детских лет» (с. 276). Для благотворительных заведений в целом характерны те же мотивы, что и для обычных идиллических локусов. Так, в образе больницы выделяются «чистота», «порядок в доме», «попечительность надзирателей и врачей» (с. 275), «благоустройство» (с. 273).

При этом целью в описании благотворительных учреждений акцентирован упорядочивающий, дисциплинирующий аспект. Старушка, чтобы попасть во вдовый дом, должна быть «хорошего поведения». В заведениях для малолетних «главная цель — приучить детей к благонравию, опрятности, порядку, дружелюбно и повиновению...» (с. 278). Локусы этих дисциплинирующих воздействий относятся к частям города, «обитаемым бедными и рабочими людьми» (Там же) как потенциальные места неупорядоченности.

Следует отметить, что целерациональная дисциплина выходит за пределы идиллического, притом что сам немецкий порядок оценивается Гречем положительно. Довольный отсутствием в Гамбурге черни, автор объясняет это жестким законом, «по которому всякой, кто подаст на улиц нищему милостыню, повинен... заплатить штрафу пять талеров...» (с. 267). Он смиряется с любовью немцев к порядку, когда его не пускают в сад, открытый для «гулянья» только по средам, в четверг же, по словам зрителя, туда не попадает «хотя бы сам Король Датский» (с. 292). Тот же мотив закрытости характерен для Гамбурга в целом, за пропуск в который после девяти вечера берут плату, «а в полночь запирают ворота наглухо, и хотя б приехал сам президент Германского Союза, Граф Мюнх-Беллинггаузен, ему пришлось бы ждать рассвета» (с. 296).

Как видим, гамбургское пространство структурно осложнено относительно фактически гомогенного Любека. В образе Гамбурга соединено множество разнородных локусов, что демонстрирует следующее панорамное описание: «Здесь видите вы и остатки Германской древности, и памятники великолепия времен новых, и следы грозных валов, и прекрасные гульбища мирных граждан, и движение многолюдного, шумного, пыльного города, и картину сельской природы и трудов земледельческих!» (с. 264).

Отметим, что среди прочего город назван «пыльным». Этот мотив пыли / грязи противоположен мотивы чистоты идиллии. Конечно, образы идиллического и рационального Гамбурга являются основными в гречевском тексте. Но в нем вскользь описан и другой, «пыльный» образ города. Причем вводится это описание через остранение стереотипного образа¹⁴ Эльбы: «Во всех географиях печатают, что вольный

¹⁴ Травестии подвергается и литературный локус Эльбы: «Гамбургские жители смеются над великим Германским поэтом Шиллером, который в одной из своих трагедий (Коварство и любовь) заставляет героиню прогуливаться в Гамбурге по берегу Эльбы!» (с. 260).

ганзейский город Гамбург лежит на берегу Эльбы; но вы можете прожить в Гамбурге несколько дней, недель и месяцев, побывать во многих людных частях его, осмотреть разные здания и любопытные места — и не видать Эльбы» (с. 260). «Парадная», восточная часть города, характеризующаяся локусами «гульбищ, зрелищ, хороших зданий, всенародных монументов», к Эльбе никакого отношения не имеет в отличие от рабочей западной части, «где находятся пристани, пакгаузы, амбары, жилища кораблехозяев и тому подобные отделения большого торгового города...» (с. 260). Если восток маркирован привлекательностью, то запад — отсутствием красоты и периферийностью: «...застроена высокими, старинными, некрасивыми домами, лежащими на самом краю Эльбы» (с. 260). Даже демиприродные лиминальные локусы Эльбы не идилличны, а утилитарны: «По ту сторону реки лежат обширные огороды и сады, в которых разводят овощи и зелень для потребления города» (с. 261). Утилитарно-рациональные также локусы каналов: одни, соединяя Эльбу с Альстером¹⁵, снабжены «шлюзами для удержания напора эльбской воды при морском приливе»; другие «проходят вплоть у самых домов... и служат для подвоза товаров к амбарам, а в случае пожара дают возможность иметь везде достаточное количество воды» (с. 261 — 262).

В качестве маргинального в тексте также выступает периферийный локус «предместья Гамбургская гора», отличающегося, как эвфемистически пишет Греч, «особенным характером» (с. 267). Дело в том, что, если гречевский Любек может быть отнесен к типу города-девы по топоровской классификации (Топоров, 1987), то гетерогенный образ Гамбурга имеет черты как города-девы (упорядоченное, мирное, привлекательное пространство, где, заметим, один из ключевых сублокусов называется *Jungfernstieg*, или «Девичья Тропа» (с. 251) в переводе автора), так и города-блудницы. Конечно, Греч не описывает подробно это неприличное, эксцентричное по отношению к идиллическому центру место, ограничившись упоминанием, что «там находятся игрища, трактиры и вольные дома для матросов гамбургского купеческого фло-

¹⁵ Локус реки Альстер, напротив, преимущественно идилличен. Он связан с гульбищем *Jungfernstieg*. Также посреди него, «на плоту, устроена прекрасная купальня, в которой можно иметь ванну из какой воды угодно: теплой, холодной, железной, морской, и т. п.» (с. 265). Кроме того, идиллический Альстер служит местом жительства лебедей, плавающих по нему «целыми стаями», благодаря некой «птицелюбивой деве», завещавшей «городу значительную сумму на содержание лебедей на водах» реки (с. 265). Наконец, об идилличности Альстера свидетельствует пейзажное описание прогулок отдыхающих горожан, в котором визуальное наслаждение усиливается аудиальным: «Вечером, при шуме гуляющего по берегу народа, катаются по Альстеру в лодках любители музыки инструментальной и пения. Прелестная гармония несется с тихих вод его» (с. 265). Сравните также с локусом «заведения для изготовления и употребления искусственных минеральных вод» в гамбургском Эппендорфе, где смешаны идилличность и утилитарность: «расположено очень удобно и в приятном месте. ...есть билиард, шахматы, шашки, карточные столы; в саду кегли... Когда смерклось, раздалось в саду звуки согласных голосов. Одно из гамбургских обществ пения... устроило вокальный концерт» (с. 288 — 289).

та, которые, в ошумлении от даров Бахуса, и в наслаждениях, посвященных другим божествам языческим, забывают горе, опасности и заботы морской жизни» (с. 267–268). Как видим, Гамбургская гора маркирована рядом негативных мотивов: язычество, пьянство, разврат. Кроме того, опосредованно через маргинальные образы матросов присутствует связь с хаотически-стихийным, опасным пространством моря. Несколько фривольным является также образ торгующих крестьянок из другого гамбургского предместья, Фирландена: «они ходят в коротких юбках...» и среди них «есть истинные красавицы», одну из которых Греч называет «заморской куколкой» (с. 268). Экцентричность этого образа, отличающегося от образа благонравных, вяжущих чулки немок-филистерш, автор объясняет исторической и пространственной чужестой фирланденок по отношению к немецкому миру: «Округ Фирланденский был в старину населен колонистами Голландскими, которые в течение времени забыли свой язык, но сохранили национальную одежду» (с. 268).

Заключение

Урбанистическая образность в тексте «Действительной поездки...» Греч может быть частично описана через ряд пространственных оппозиций Любека и Гамбурга соответственно: «гомогенный — гетерогенный», «средневеково-ахронный — современный», «статичный — динамичный».

Кроме того, следует указать на встроенность гречевских городских образов в общую традиции репрезентации пространства Германии в русской литературе конца XVIII — первой половины XIX века. Это пространство изображается в качестве идиллического как на макроуровне, так и на мезоуровне отдельных локусов, в том числе городских. Грчевские Любек и Гамбург демонстрируют аналогичный связанный с идиллией и сентименталистским мирообразом мотивный ряд, к которому относятся мотивы упорядоченности, чистоты привлекательности, светлости, изобилия, наполненности жизнью. Они актуализированы в типичном для городского пространства наборе локусов дома, улицы, сада, аллеи, парка, гульбища. Подчеркнем особое значение в рамках идиллии четырех последних демиприродных локусов с ярко выраженной положительной коннотацией как переходных пространств между естественностью и цивилизацией. Идиллическим выступает и локус немецкого кладбища, при описании которого моральная образность смягчена мотивами бессмертия и вегетативной витальности. Отметим в связи с этим повторяющиеся в пейзажных описаниях образы цветов (роз) и лип.

Но если локус Любека гомогенно идиллический, то пространство Гамбурга, помимо черт идиллического, также маркировано современной автору рациональной упорядоченностью, противопоставленной хаосу. Ряд локусов имеет смешанные идиллически-рационалистические характеристики (например, локусы богадельни, больницы, детского приюта), часть — сугубо утилитарные свойства (биржа, пристань, амбар,

канал). Более того, Греч противопоставляет чистую, туристическую, привлекательную восточную часть города, связанную с образом реки Альстер, пыльной, рабочей, прозаической западной части, относящейся к району Эльбы. Наконец, в рамках общегамбургского пространства выделены тексты города-девы (доминирующий) и города-блудницы (периферийный, маргинальный).

В целом гречевские образы немецких городов в тексте «Действительной поездки...» могут быть помещены в рамки идиллически-упорядоченного изображения германского пространства, характерного для русской литературы конца XVIII – первой половины XIX века, и представляют в основном сентименталистский и фактографический мирообразы Германии. В то же время писатель прибегает к приему остроты стереотипных представлений о ней (например, в случаях локусов сада-кладбища или Эльбы), внося ярко выраженный индивидуально-авторский элемент в пространственные описания немецких земель.

Список литературы

Анциферов Н. П. Радость жизни былой... Проблема урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Новосибирск, 2014.

Далкылыч О. В. Три мира, три эпохи, три культуры: эхо городов Гейдельберг, Таллин и Кайсери в русской литературе XVIII – XX веков // Русский травелог XVIII – XX веков. Новосибирск, 2015. С. 427 – 445.

Жданов С. С. Образы германских городов в русских травелогах рубежа XVIII – XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 189 – 194. doi: 10.21603/2078-8975-2017-2-189-194.

Жданов С. С. Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2019.

Ильченко Н. М., Аксенова М. В. Образ Германии в путевых письмах Н. И. Греча // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2016. С. 112 – 116.

Ильченко Н. М., Пеняева С. В. Дрезден как культурный хронотоп в картине мира В. К. Кюхельбекера и В. А. Жуковского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 113 – 119.

Мароши В. В. «Идеальный пейзаж» в травелогах русских путешественников о Центральной Азии // Русский травелог XVIII – XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 37 – 68.

Морозова Н. Г. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9 – 17.

Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000.

Пауткин А. А. Кёнигсберг А. Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 4. С. 52 – 61. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-17.052>.

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121 – 132.

Щукин В. Г. Поэтосфера города. Город как единое целое (фрагмент из книги) // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). С. 8 – 18.

Энгель А. Саксонская Швейцария эпохи романтизма: русский, немецкий, французский образы // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 36 – 48.

Asadowski K., Lavrov A. "Das Land der Genies" – Deutschland, gesehen von Andrej Belyj // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München, 2006. Bd. 4. S. 753–791.

Boden D. Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. Traum und Alptraum. München ; Wien, 1982.

Lebedeva O.B., Yanushkevich A.S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Cologne ; Weimar ; Vienna, 2000.

Müntjes M. Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II. Meisenheim am Glan, 1971.

Список источников

Греч Н.И. Соч. : в 5 ч. СПб., 1838. Ч. 4.

Об авторе

Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия; профессор, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: fstud2008@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8898-6497

Для цитирования:

Жданов С.С. Идиллия, история, рациональность: образы городов в «Действительной поездке в Германию в 1835 году» Н.И. Греча // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 8–28. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

IDYLL, HISTORY, RATIONALITY: CITY IMAGES IN "REAL JOURNEY TO GERMANY IN 1835" BY NIKOLAY GRETSCH

S. S. Zhdanov^{1, 2}

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies,
10 Plakhotnogo St., Novosibirsk, 630108, Russia

² Novosibirsk State Technical University,
20 Prospekt K. Marksa St., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on June 03, 2022

Accepted on November 15, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-1

The article explores the images of the German cities, Lubeck and Hamburg, presented in Nikolay Gretschi's travelogue "The real trip to Germany in 1835". The author determines the link between the images of the two cities and the tradition of describing Germany as an idyllic place. This tradition was widespread in Russian literature at the end of the 18th century – first half of the 19th century. In Gretschi's text, Lubeck and Hamburg are depicted as idyllic but to different degrees. The locus of Lubeck is a homogeneous, patriarchal and achronous idyll, a static space that seems to have frozen in the Middle Ages. In contrast to Lubeck, the

city of Hamburg is depicted as a large, contemporary, and dynamic city – in other words, as a modern type of idyll. Moreover, its orderliness goes beyond the idyll and is defined by the rational organisation of space, which is characterised by heterogeneity. Firstly, the idyllic subloci are distinguished, where the key role belongs to the demi-natural images of the garden, the park and the promenade. Secondly, the utilitarian-rational subloci of the stock exchange, quay, and canals are described. Subloci, which are marked by both idyll and rationality, have been identified (e. g. an orphanage, an almshouse). Finally, the third spatial type identified marginal sublocations of seafarers' establishments associated with the motives of disorderliness – drunkenness, debauchery, etc.

Keywords: image of city, Lubeck, Hamburg, Germany, travelogue, idyll, Nikolay Gretschi, Russian literature

References

Antsiferov, N.P., 2014. *Radost' zhizni byloi... Problema urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsii* [Joy of the ancient life... Problem of urbanism in Russian literature. Essay of city image constructing – Dostoevsky's Petersburg – based on the literature traditions analysis]. Novosibirsk (in Russ.).

Asadowski, K. and Lavrov, A., 2006. "Das Land der Genies" – Deutschland, gesehen von Andrej Belyj. In: *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Bd. 4.* München, pp. 753–791.

Boden, D., 1982. *Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. Traum und Alptraum.* München; Wien.

Dalkylych, O.V., 2015. Three worlds, three epochs, three cultures: echos of the cities Heidelberg, Tallinn and Kayseri in Russian Literature of the XVIII–XX centuries. In: *Russkii travelog XVIII–XX vekov* [Russian travelogue of XVIII–XX centuries]. Novosibirsk, pp. 427–445 (in Russ.).

Engel, A., 2007. Saxon Switzerland of the romanticism epoch: Russian, German, French images. In: *Evroaziatskii mezhkul'turnyi dialog: «svoe» i «chuzhoe» v natsional'nom samosoznanii kul'tury* [Eurasian intercultural dialogue: "own" and "alien" in the national consciousness of culture]. Tomsk, pp. 36–48 (in Russ.).

Ilchenko, N.M. and Pepelyaeva, S.V., 2015. Dresden as a cultural chronotope picture of the world of V.K. Kyuhelbekera and V.A. Zhukovsky. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 4, pp. 113–119 (in Russ.).

Ilchenko, N.M. and Aksenova, M.V., 2016. The image of Germany in the travel letters by N.I. Grech. In: *Yazyk, kul'tura, mental'nost': Germaniya i Frantsiya v evropeiskom yazykovom prostranstve: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language, culture, mentality: Germany and France in the European language space: materials of the international scientific and practical conference]. Nizhny Novgorod, pp. 112–116 (in Russ.).

Lebedeva, O.B. and Yanushkevich, A.S., 2000. *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts.* Cologne; Weimar; Vienna (in Russ.).

Maroshi, V.V., 2016. «Ideal landscape» in the travelogues of Russian traveller about Central Asia. In: *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: routes, topos, genres and narratives]. Novosibirsk, pp. 37–68 (in Russ.).

Morozova, N.G., 2008. The facets of the perception of Germany in the context of the Russian literature of "travel". *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2, pp. 9–17 (in Russ.).

Müntjes, M., 1971. *Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II.* Meisenheim am Glan.

Obolenskaya, S. V., 2000. *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and Germans through Russians' eyes (XIX century)]. Moscow (in Russ.).

Pautkin, A. A., 2017. A. T. Bolotov in Königsberg. Optics of self-knowledge. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 4, pp. 52–61, <https://doi.org/10.20339/PhS.4-17.052> (in Russ.).

Shchukin, V. G., 2014. The city poetical sphere. The city as a single whole (a fragment of the book). *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 1 (28), pp. 8–18 (in Russ.).

Toporov, V. N., 1987. Text of the city-virgin and the city-whore in the mythological aspect. In: *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies on the text structure]. Moscow, pp. 121–132 (in Russ.).

Zhdanov, S. S., 2017. Images of Urban Germany in Russian Travelogues at the Turn of the XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2, pp. 189–194, <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-2-189-194> (in Russ.).

Zhdanov, S. S., 2019. *Prostranstvo Germanii v russkoi slovesnosti kontsa XVIII – nachala XX veka* [The space of Germany in Russian literature of the late XVIII – early XX century]. PhD Dissertation. Tomsk (in Russ.).

Material resource

Gretsch, N. I., 1838. *Sochineniya Nikolaya Grecha: in 5 ch.* [Works by Nicolay Gretsch: in 5 pts.], pt. 4. St. Petersburg (in Russ.).

The author

Dr Sergey S. Zhdanov, Associate Professor, Head of Department, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia; Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: fstud2008@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8898-6497

To cite this article:

Zhdanov, S. S., 2023, Idyll, history, rationality: city images in “Real journey to Germany in 1835” by Nikolay Gretsch, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, no. 1, p. 8–28. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))